

- ¹² Там же. Л. 17.
¹³ Там же. Л. 1.
¹⁴ Там же. Л. 7.
¹⁵ Там же. Л. 27.
¹⁶ Там же. Д. 38. Л. 4.
¹⁷ Там же. Д. 39. Л. 9, 18.
¹⁸ Там же. Д. 38. Л. 10.
¹⁹ Там же. Л. 5.
²⁰ Там же. Д. 39. Л. 3, 4.
²¹ Там же. Д. 38. Л. 7–9; Д. 39. Л. 5, 13, 14.
²² Там же. Д. 36. Л. 3.
²³ Там же. Д. 37. Л. 2, 6.
²⁴ Там же. Л. 1, 12.
²⁵ Там же. Л. 7.
²⁶ Там же. Л. 6.
²⁷ Там же. Л. 10; Д. 39. Л. 2.
²⁸ Там же. Л. 9.
²⁹ Там же. Л. 11.
³⁰ Там же. Л. 8.
³¹ Селезнев Ф. А. Развитие хохломской росписи от зарождения до 1917 года // История народных художественных промыслов и ремесел Нижегородской области. Т. 1. Н. Новгород, 2011. С. 85.
³² РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.
³³ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка... С. 135.
³⁴ РГАДА. Ф. 829. Оп. 1. Д. 37. Л. 4; Д. 39. Л. 19, 20.
³⁵ Там же. Д. 37. Л. 3.
³⁶ Там же. Л. 5.
³⁷ Там же. Д. 39. Л. 26.
³⁸ Там же. Л. 21.
³⁹ Там же. Д. 22.
⁴⁰ Там же. Л. 23. — Анис — пряное и лекарственное растение.
⁴¹ Там же. Л. 24.
⁴² Там же. Л. 25.
⁴³ Козинцева Р. И. Внешнеторговый оборот... Табл. 2.
⁴⁴ Кафенгауз Б. Б. Очерки внутреннего рынка... С. 209.

О. А. Васильева

РАЗВИТИЕ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЙ НА НИЖНЕЙ ВОЛГЕ И СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В ПЕРИОД ПРАВЛЕНИЯ ПЕТРА I: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Общеизвестно, что в период Смуты начала XVII в. и непосредственно после ее завершения торговля Русского государства была практически парализована. Данное обстоятельство объяснялось прежде всего отсутствием безопасности на торговых путях.

В XVII столетии параллельно с восстановлением практически полностью разрушенной в Смуту экономики шел процесс развития мелкотоварного производства, что, наряду с появлением мануфактур, сыграло немаловажную роль не только в обеспечении населения промышленными товарами, но и в формировании всероссийского рынка. Можно предположить, что начиная с 20–30-х гг. XVII в. торговля и торговые отношения не только способствовали формированию и развитию товарно-денежных отношений, но и фактически являлись основой экономического развития государства.

В отечественной и зарубежной историографии до настоящего времени отсутствует специальное комплексное обобщающее исследование, посвященное динамике развития торговых отношений на Нижней Волге и Северном Кавказе в период правления Петра I. Вместе с тем отдельные аспекты данной проблемы достаточно подробно изучены и неоднократно затрагивались историками при рассмотрении российско-кавказских торговых отношений и основных направлений внешнеторговой политики Русского государства.

В. Л. Егоров в монографии об истории Золотой Орды от момента ее зарождения до упадка, написанной на основе анализа летописных источников, материалов археологии и данных средневековой картографии, отмечает, что в районе пос. Стрелецкий было расположено ныне смытое волжскими водами городище Шареный бугор¹. Оно представляло собой остатки золотоордынской Астрахани (Хаджи-Тархана)², основание которой относится к XIII в. В первой трети следующего столетия Хаджи-Тархан являлся, по свидетельству современников, одним из лучших золотоордынских городов «с большими базарами»³.

Роль Астрахани как торгово-экономического центра на Нижней Волге начиная с момента присоединения Астраханского ханства к Русскому государству до начала Смутного времени весьма обстоятельно проанализирована Н. Б. Голиковой⁴. Данную проблему затрагивали также И. И. Смирнов, Р. Г. Скрынников, И. В. Курукин и др.⁵

Исследователи отмечали, что Астрахань являлась не только важной пограничной крепостью на южных рубежах Русского государства и одним из основных опорных пунктов в развитии дипломатических связей на восточном направлении, но и крупным центром русско-восточной торговли.

Следует отметить, что упрочение внешнеторговых связей в отечественной историографии традиционно и совершенно справедливо связывается с развитием таких исконных астраханских промыслов как рыбная ловля и соледобыча⁶. Что же касается внутренней торговли, то на ее успешное развитие, по мнению астраханских историков и краеведов, позитивно влияло развитие сельского хозяйства в крае (преимущественно бахчеводство, огородничество, садоводство и виноградарство), ориентированного в правление Петра I на рынок, а также дальнейшее совершенствование технологических процессов обрабатывающих производств (например, ткацкого, кожевенного

и др.)⁷. В частности, еще дореволюционные астраханские историки-краеведы М. С. Рыбушкин и Н. Ф. Леонтьев отмечали, что Петр I сразу высоко оценил геополитическое и геостратегическое положение Астрахани и ее геоэкономическое значение в своих далеко идущих восточных внешнеполитических планах. Царь всячески способствовал развитию в городе промышленности (прежде всего созданию шелковых заводов. — *О. В.*) и торговли (особые льготы, состоявшие в фактически беспошлинной торговле, были предоставлены армянской Джульфинской компании. — *О. В.*)⁸.

Историографический анализ изначально предполагает триединый учет различных точек зрения, сложившихся по отдельным аспектам рассматриваемой проблематики в собственно современной российской исторической науке, унаследовавшей по сути имперский нарратив, в историографии народов Северного Кавказа и в зарубежной историографии.

Первые упоминания о наличии развитой торговли в Нижнем Поволжье отмечены задолго до начала правления Петра I. Они встречаются в сохранившихся дневниковых записях иностранцев, побывавших в Русском государстве с той или иной миссией⁹.

Справедливости ради следует также отметить и диаметрально противоположное мнение о состоянии торговли в Астрахани во второй половине XVI в. английского посланника А. Дженкинсона. Он полагал, что торговля в этом городе ведется «в таких малых размерах, что не стоит и упоминать»¹⁰. При этом дальнейшее повествование Дженкинсона свидетельствует о том, что в Астрахань для ведения торговли «съезжаются (купцы. — *О. В.*) из разных местностей»¹¹. Однако несмотря на приводимый довольно-таки внушительный перечень товаров, представляемых купцами различных этнических групп, автор характеризует астраханскую торговлю как ничтожную по размерам и бедную по товарному ассортименту¹². С подобными выводами английского посланника категорически не согласны астраханские ученые А. М. Липчанский, Е. Г. Тимофеев, С. В. Лебедев и П. В. Казаков, которые полагают, что оценка астраханской торговли, сделанная Дженкинсоном, не является объективной по причине его некомпетентности в области торговли¹³.

Несмотря на то, что целый пласт документов относится к источникам личного происхождения, все они в совокупности позволяют воссоздать целостную картину того, что представляли собой Астраханский край до и после Смутного времени. Анализ и учет таких документов необходим для объективной оценки роли Петра I в разработке стратегии развития внутри- и внешне-торговой политики государства.

В частности, благодаря сохранившимся источникам личного происхождения, удалось установить, что на рубеже XVI–XVII вв. постоянно увеличивавшийся торговый оборот и обилие товаров снискали Астрахани среди иностранцев славу «известного восточного рынка»¹⁴. Подобное положение дел явилось результатом последовательно проводимой руководством Московского

государства политикой извлечения максимально возможной выгоды от эксплуатации природных богатств края, начиная с момента присоединения Астраханского ханства. В частности, царским наказом 1593 г. астраханским воеводам предписывалось «вперед рыбным ловцам и торговым людям приказать накрепко и смотреть за ними и велеть, чтоб они рыбы ловили про себя и на продажу, сколько можно... осолить и испродать»¹⁵. При этом ловили и засаливали только рыбу осетровых пород, так как лишь она являлась предметом торговли. Временами объем выловленной рыбы был настолько велик, что ее не успевали обрабатывать.

Начало XVII в. характеризуется продолжающимся процессом возникновения новых и расширением старых рыбопромысловых хозяйств и учугов, обстоятельная характеристика которых представлена в исследованиях Н. Н. Пальмова и И. В. Степанова¹⁶. Кроме того, в этот период наряду с учужным все большее распространение получает более дешевый ватажный лов сетями, ставший впоследствии ведущим. Рыбный промысел, являвшийся самым массовым видом занятий в крае, благодаря обилию ценной рыбы в Волге и огромному спросу на нее, способствовал развитию соледобычи.

Освоение рыбных и соляных промыслов содействовало развитию судоходства на Волге, что, в свою очередь, оказывало существенное влияние на дальнейшее расширение торговых связей Астрахани. В частности, М. В. Фехнер установила, что одним из наиболее востребованных продуктов российского экспорта в европейские и юго-восточные страны являлась соленая икра¹⁷, хотя современники полагали, что главным предметом торговли была все-таки соль¹⁸, ставшая с 1705 г. одной из главных статей государственных монопольных доходов. Последнее обстоятельство фактически подвело черту «под длительным периодом расцвета соляной торговли в России и в Астраханском крае», так как теперь соледобычей могли заниматься только крупные промышленники, причем астраханцев среди них было весьма немного¹⁹.

Безусловно период Смуты на некоторое время затормозил экономическое развитие Астраханского края, в т. ч. и торговли. Но уже с конца 1616 г. новая династия Романовых предпринимает небезуспешные попытки восстановления торговых сношений со странами Востока. Так, Ю. П. Тушиным, предметом научных изысканий которого являлось изучение русского мореплавания в XVII в., было установлено, что наиболее активно в этот период велась торговля со странами Средней Азии, общий товарооборот с которыми был равен примерно 100 тыс. руб. Большая часть русских товаров, вывозившихся в Среднюю Азию, а также бухарские и хивинские товары, шедшие в Россию, проходили через Астрахань²⁰.

Правительство в целях улучшения и упорядочения торговли предписывало отвести для приезжих купцов специальные места для проживания и торговли — гостинные дворы. В Астрахани одними из первых возникли дворы Гилянский и Бухарский, первоначально находившиеся за городской чертой.

Впоследствии они стали ядром, вокруг которого стали складываться восточные колонии, что способствовало дальнейшему развитию и укреплению русско-восточной торговли. Данный процесс был весьма обстоятельно изучен астраханским историком-краеведом А. Н. Штылько, труд которого сохраняет актуальность до настоящего времени²¹.

Отметим, что в отечественной исторической науке рассматриваемая проблема получила весьма обстоятельное освещение. При этом наибольший научный интерес представляют как обобщающие работы М. В. Фехнер и А. И. Юхта, в которых рассмотрены общие вопросы состояния и развития торговых отношений с восточными странами в XVI–XVIII вв.²², так и исследования Н. М. Гольдберга, Н. П. Кукановой и др., посвященные изучению отдельных, частных аспектов данной многогранной проблемы²³.

Следует подчеркнуть, что астраханские историки и краеведы в своих научных изысканиях оперируют прежде всего сохранившимися дневниковыми записями иностранцев, например, голландского путешественника, художника и писателя К. де Бруина (1703 г. и 1707–1708 гг.) и шотландского врача Д. Белла, находившегося на русской службе, в т. ч. и в период правления Петра Великого (1716 г.). Оба иностранца в своих путевых дневниковых записях отмечали большое количество кораблей, стоявших на астраханском рейде, а также акцентировали внимание на «знатной» торговле Астрахани с купцами из Персии, Хивы, Бухары и Индии, имевших свои гостинные дворы, и посреднической деятельности армянских купцов²⁴.

Де Бруин и Белл независимо друг от друга отмечали, что на астраханском городском рынке были представлены преимущественно продовольственные товары (за Исадскими воротами находился «рыбный, хлебный, зеленой, или овощной торг» — О. В.), в частности, рыба и продукты ее переработки, а на татарском торжище русские и армяне также могли «выставлять на продажу свои произведения»²⁵.

Местоположение городского рынка вне городских стен, но в непосредственной близости от городских ворот восходит к древнерусской традиции²⁶ и находит свой аналог в среднеазиатских городах. Кроме того, привычное в русском языке слово «базар» по мнению ученых-филологов, специализирующихся на этимологии, заимствовано непосредственно из персидского языка, по всей видимости, через торговых людей. Этимологами высказано предположение, что первоначально слово «базар» трактовалось как «место открытой торговли съестными припасами и товарами широкого потребления»²⁷. Данное значение было дополнено дословным переводом с узбекского языка — «дело у ворот»²⁸.

Значительное число исследователей, сферой научных интересов которых выступает разноплановое изучение восточного вектора торговой политики Русского государства в целом и Астрахани в частности, в своих работах в той или иной степени акцентирует внимание на анализе собы-

тийной цепочки, приведшей к подписанию русско-персидского торгового договора (1717 г.)²⁹.

Следует признать правоту тех ученых, которые за скупыми строчками инструкции, выданной Петром I посольству подполковника А. П. Волынского, направленного в 1715 г. Персию, сумели увидеть масштабность и амбициозность планов царя, заключающихся, прежде всего, в повороте «шелкового потока» на Волгу через Персию и недопущении конкуренции со стороны каких бы то ни было держав в акватории Каспийского моря³⁰. Иными словами Петр I стремился к концентрации всей индоевропейской торговли на юго-восточном направлении Каспийской водной магистрали.

В исследованиях, затрагивающих складывание и развитие русско-иранских отношений, обязательно оценивается значение торгового договора, заключенного между Россией и Персией в 1717 г. в результате посольства Волынского, но при этом далеко не всегда отмечается, что желаемые результаты были достигнуты русским правительством далеко не полностью³¹. Куда более подробно и эмоционально освещается организация экспедиции кн. А. Бековича-Черкасского в Хиву в 1714–1717 гг., закончившаяся, как известно, разгромом его отряда³².

Неудача постигла и русское посольство, направленное в 1718 г. во главе с секретарем Коллегии иностранных дел Ф. Беневени в Хиву и Бухару, которому предписывалось собрать максимально достоверную информацию о водных и сухопутных путях на Восток для максимально возможного расширения русской торговли в данном направлении³³.

О последствиях Персидского похода Петра Великого для астраханской торговли упоминается весьма кратко в форме ограниченной констатации факта получения русскими купцами права беспошлинной торговли и транзита товаров в Индию и обратно³⁴.

Интерес вызывает якобы имевшее место посещение Петром I дома астраханского купца Панкратия Курочкина. Однако эта красивая легенда, кочующая из исследования в исследование³⁵, по утверждению одного из первых астраханских историков-краеведов М. С. Рыбушкина не находит подтверждения в источниках, хотя купец Курочкин действительно являлся исторической личностью³⁶.

Роль Петра I в развитии торговых отношений Русского государства с восточными странами оценивается учеными весьма неоднозначно. Так, подавляющее большинство исследователей придерживается мнения, что Петр I фактически заложил основы дальнейшего роста внешнеторгового оборота Российского государства, несмотря на сохранявшийся пассивный торговый баланс. При этом отмечается, что Астрахань продолжала играть важную роль во внешней торговле на восточном направлении³⁷.

В то же время встречаются и весьма категоричные, противоречивые по своей сути оценки, в основе которых чаще всего лежат слабо аргументиро-

ванные высказывания о спаде торговой деятельности в Астрахани в период правления Петра I, ориентировавшегося преимущественно на торговлю с западноевропейскими государствами³⁸.

Анализ развития торговых отношений на Нижней Волге был бы неполным без упоминания той роли, которую играл в них Терский город (Терки), территориально входивший в состав Астраханского края. В этом регионе Терки «по своей значимости и величине долгое время занимал второе место после Астрахани»³⁹. Учеными неоднократно подчеркивалась исключительная важность местоположения этого города для русского правительства в качестве военно-стратегического пункта и торгового центра⁴⁰. Крепость Терки находилась недалеко от перевоза через реку Сунжу на пути, который в источниках конца XVII в. называется Османовским шляхом или «Османовщиной»⁴¹, т. е. Терки охраняли перевоз с крымской стороны. К перевозу сходились пути с запада — по реке Сунже, по долине между Сунженским и Терским хребтами, дороги по правому и по левому берегам Терека, а, кроме того, путь из Персии к Астрахани и к волжскому пути. Вследствие этого Терки рано приобрел и торговое значение, являясь, по сути, пунктом транзитной торговли⁴².

Транзитом через Россию в Европу шли заграничные сукна, с Востока и из Закавказья ввозились местные текстильные изделия, шелковые и бумажные ткани, шелк-сырец, являвшийся монополией царской казны, хлопок, сафьян, нефть, марена, пряности, драгоценные камни. Не случайно, что Терки оценивается исследователями как один из важных центров международной транзитной торговли⁴³.

Поскольку изначально гарнизон крепости непосредственно зависел от поставок хлебных запасов из России по Волге и Каспийскому морю, терские стрельцы и служилые люди рано наладили торговые связи с горцами, покупая хлеб «у кабардинских черкас, и у кумыкских людей в Тарках и Карабудаках, и у гияльских и дербенских тезиков»⁴⁴.

Северокавказские исследователи весьма высоко оценивают значение Терков как развивающегося центра региональной торговли, способствовавшего установлению прямых торгово-экономических связей между горскими этносами. Деятельность же Петра I, направленную на упрочение позиций Русского государства в Каспийском регионе, они отмечают, по большей части, как прогрессивную, так как транзитные торговые пути, пролежавшие через Дагестан, способствовали не только дальнейшему развитию товарно-денежных отношений на Северном Кавказе, но и способствовали росту производительных сил в этом регионе⁴⁵. В то же время отмечаются просчеты, допущенные как самим Петром I, так и усугубленные его преемниками, которые привели к новым войнам за установление своего влияния на Северном Кавказе между основными претендентами — Оттоманской и Персидской империями, с одной стороны, и Русским государством, с другой⁴⁶.

Таким образом, предпринятый историографический обзор показывает, что развитие торгово-экономических связей между центральными районами России и ее южными окраинами в период правления Петра I явилось существенным фактором в эволюции всероссийского рынка и новых социальных отношений. Расширение и укрепление торговых контактов создавало предпосылки к включению Северного Кавказа в пределы Российского государства, а на данном историческом этапе обеспечивало безопасность южных рубежей страны и содействовало усилению ее влияния в Северокавказском регионе.

Примечания

¹ Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. 2-е изд. М., 2008. С. 117.

² Подробно о происхождении топонима «Астрахань» см.: Астрахань: Краевед. альм. Вып. 1: Имя на карте Астраханской области / Авт. ст., авт.-сост. топоним. слов. М. А. Кирикосян. Астрахань, 2008. С. 4–5, 17–19.

³ Прошлое Астраханского края: (с древнейших времен до конца XIX века) / сост. А. А. Курбатов. Астрахань, 2008. С. 44.

⁴ Голикова Н. Б. Очерки по истории городов России конца XVII — начала XVIII вв. М., 1982.

⁵ Смирнов И. И. Восстание Болотникова, 1606–1607. 2-е доп. изд. М., 1951; Скрынников Р. Г. Смута в России в начале XVII в.: Иван Болотников. Л., 1988; Курукин И. В. Персидский поход Петра Великого: Низовой корпус на берегах Каспия (1722–1735). М., 2010.

⁶ Астрахань: история, этнос, культура, природа, геополитика / В. В. Ишин и др. Астрахань, 2008. С. 96–103. (Дельтовые города мира).

⁷ Курбатов А. А. История Астраханского края (с древнейших времен до конца XIX века). Астрахань, 2007. С. 127, 134; Астрахань: история... С. 105, 106–107, 109; Марков А. С. Петр Первый и Астрахань: 2-е изд., доп. Астрахань, 2008. С. 10, 24–33, 50–51, 98–99; Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. 3-е доп. изд. с экз. 1841 г. Астрахань, 2008. С. 99–100, и др.

⁸ Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. С. 86; Полтавская победа. 200-летний юбилей. (27 июня 1709 г. — 27 июня 1909 г.). Астрахань, 1909. С. 20.

⁹ См., например: Исторические путешествия: Извлечения из мемуаров и записок иностр. и рус. путешественников по Волге в XV–XVIII веках / Сост. В. Н. Алексеев. Сталинград, 1936; Из рассказов Дон Хуана Персидского. Путешествие персидского посольства через Россию от Астрахани до Архангельска в 1599–1600 гг. // Проезжая по Московии: (Россия XVI–XVII вв. глазами дипломатов) / Сост. и авт. коммент. Г. И. Герасимова. М., 1991. С. 172; Прошлое Астраханского края. С. 64, 66.

¹⁰ Дженкинсон А. Путешествие из города Москвы в России до города Бухары в Бактрии // Исторические путешествия... С. 47.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Столица преславной провинции: История астрахан. гор. обществ. самоуправления / А. М. Липчанский и др. Астрахань, 2008. С. 6.

¹⁴ Астрахань: история... С. 89–90.

¹⁵ Цит. по: Шокарев С. Ю. Правители опасной черты // Каспийский транзит: В 2-х т. / Сост. и подгот. А. И. Куркчи. М., 1996. Т. 2. С. 585. (Арабески истории).

¹⁶ Пальмов Н. Н. К истории рыбной промышленности в Астрахани в первой половине XVIII века // Наш край. 1924. № 4; Степанов И. В. Хозяйственная деятельность Московского правительства в Нижнем Поволжье в XVII веке // Уч. зап. ЛГУ. Сер. ист. наук. 1939. № 48, вып. 5. С. 95–107, 129–132.

¹⁷ Фехнер М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. 2-е изд., доп. М., 1956.

¹⁸ См., например: Из рассказов Дон Хуана Персидского. С. 172.

¹⁹ См.: Сысоев П. С. Из истории соляной промышленности Астраханской губернии. Астрахань, 1958; Астрахань: история... С. 98.

²⁰ Тушин Ю. П. Русское мореплавание на Каспийском, Азовском и Черном морях: XVII в. М., 1978. С. 67.

²¹ Штылько А. Н. Астраханская торговля в старину. Астрахань, 1909.

²² Фехнер М. В. Торговля Русского государства...; Юхт А. И. Торговля с восточными странами и внутренний рынок России (20–60-е гг. XVIII в.). М., 1994.

²³ Гольдберг Н. М. Русско-индийские отношения в XVII в. // Уч. зап. Тихоокеанского института. Т. 2. М.; Л., 1949. С. 129–145; Куканова Н. Г. Русско-иранские торговые отношения в конце XVII — начале XVIII в. // ИЗ. 1956. Т. 57. С. 232–254; Юхт А. И. Индийская колония в Астрахани // Вопросы истории. 1957. № 3. С. 135–143.

²⁴ Прощлое Астраханского края. С. 71–74, 75.

²⁵ Там же. С. 72, 73–74

²⁶ Тихомиров М. Н. Древнерусские города. СПб., 2008. С. 188–189.

²⁷ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: 13 560 слов. 8-е изд., стер. М., 2007. Т. 1. С. 64.

²⁸ Цит. по: Тихомиров М. Н. Древнерусские города. С. 189.

²⁹ Одной из фундаментальных работ по данному вопросу считается книга П. П. Бушева (Бушев П. П. Посольство Артемия Волынского в Иран в 1715–1718 гг.: (По рус. архивам). М., 1978). См. также: Куканова Н. Г. Русско-иранские торговые отношения...; Молчанов Н. Н. Дипломатия Петра Великого. 3-е изд. М., 1990; Курукин И. В. Персидский поход... С. 30–33.

³⁰ Астрахань: история... С. 72; Курукин И. В. Персидский поход... С. 32; Рябцев А. Л. Особенности восточной торговли России в XVIII веке // Грамота. 2012. № 5, ч. 2. С. 164; Хасбулатов Х. М. История Дагестана с древнейших времен до наших дней: Учеб. пособие. Махачкала, 2012. С. 139.

³¹ На данный факт, в частности, обратил внимание И. В. Курукин (см.: Курукин И. В. Персидский поход... С. 33).

³² См., например: Марков А. С. Петр Первый и Астрахань. С. 38–40.

³³ Одно из немногих исследований, специально посвященное данному вопросу: Посланник Петра I на Востоке: Посольство Флорио Беневени в Персию и Бухару в 1718–1725 гг. / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В. Г. Воловникова. М., 1986.

³⁴ См., например: Марков А. С. Петр Первый и Астрахань. С. 46–48.

³⁵ Марков А. С. Петр Первый и Астрахань. С. 171–172; Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. С. 136–138; Столица преславной провинции. С. 35.

³⁶ Рыбушкин М. С. Записки об Астрахани. С. 265.

³⁷ Астрахань: история... С. 110–111; Рябцев А. Л. Условия восточной торговли России на Каспии в XVII–XVIII вв. // Общество и государство: проблемы ист. развития: сб. науч.-метод. материалов. Вып. 3. Астрахань, 1998. С. 75–95; Юхт А. И. Торговые связи Астрахани в 20-х годах XVIII в. // Историческая география России, XII — начало XX в.: Сб. ст. к 70-летию проф. Л. Г. Бескровного. М., 1975. С. 177–192.

³⁸ См., например: *Ватанина Л. И.* Восточное купечество в Астрахани XVII в.: Дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2004.

³⁹ *Голикова Н. Б.* Очерки... С. 31.

⁴⁰ *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа и их связи с Россией. Вторая половина XVI — 30-е годы XVII в. М., 1963. С. 268; *Голикова Н. Б.* Очерки... С. 31.

⁴¹ РГАДА. Ф. 121 (Кумышкие и тарковские дела). Оп. 1–2. Д. 1. Л. 396, 396 об., 412–413.

⁴² *Владыкин М. Н.* Путеводитель и собеседник в путешествии по Кавказу. М., 1874. Карта; *Зейдлиц Н. К.* Терская область. Список населенных мест по сведениям 1874 г. Тифлис, 1878; *Вейденбаум Е. Г.* Путеводитель по Кавказу. Тифлис, 1888. Карта.

⁴³ *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа... С. 268; *Голикова Н. Б.* Очерки... С. 31; *Нажиев М. Б.* Роль Западного Прикаспия в торговых отношениях на Северо-Восточном Кавказе (XVII–XVIII вв.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владикавказ, 2012.

⁴⁴ Цит. по: *Кушева Е. Н.* Народы Северного Кавказа... С. 299.

⁴⁵ См.: *Дзамихов К. Ф.* Адыги: веки истории. Нальчик, 2008. С. 269–271, 275, и др.; *Феодаева Ф. З.* Русско-дагестанские отношения во второй половине XVIII — начале XIX вв. М., 2008. С. 101.

⁴⁶ *Хасбулатов Х. М.* История Дагестана... С. 146–147.

Ю. И. Головки

ЧЕРНОМОРСКАЯ ТОРГОВЛЯ В ПРОЕКТАХ И ЗАПИСКАХ ПОСЛЕДНЕЙ ЧЕТВЕРТИ XVIII в.

Записки и проекты развития черноморской торговли, составленные в последней четверти XVIII в., не обойдены вниманием исследователей¹, но остаются недостаточно изученными, что, в первую очередь, связано со спецификой самих источников, сложностью их атрибуции и выявления, особенностями информативных возможностей.

Проведение сплошной архивной эвристики позволило выявить около ста проектных документов (проекты, записки, замечания, предложения и т. д.), касающихся черноморской торговли последней четверти XVIII в. Значительная их часть представлена в виде недатированных копий, выписок, пересказов, переводов, без указания авторства и происхождения оригинала. Часть выявленных проектов представлена в нескольких копиях, не всегда идентичных, но соответствующих друг другу по содержанию, структуре и стилю.

Большинство проектов второй половины 1770-х гг. непосредственно связаны с окончанием русско-турецкой войны 1768–1774 гг., как, например, недатированная записка, приписываемая «некоторому купцу», с рассуждениями о перспективах развития черноморской торговли после Кючук-Кайнарджийского мира². Автор записки подчеркивал меньшую по сравнению с северной торговлей протяженность торговых путей, что удешевляло доставку российских товаров. Черноморская и средиземноморская навигация была круглогодичной, менее зависела от погодных условий и позволяла эко-